

УДК 81'255.2

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-118-125

МИГРАЦИОННЫЙ ДИСКУРС В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ РОМАНА Ф. БАКМАНА «ВТОРАЯ ЖИЗНЬ УВЕ»

Раренко М. Б.

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
117997, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Описание миграционного дискурса в художественной литературе на примере русскоязычной версии романа Ф. Бакмана «Вторая жизнь Уве».

Процедура и методы. Проведён текстологический анализ русскоязычной версии романа «Вторая жизнь Уве» современного шведского писателя Ф. Бакмана.

Результаты исследования. Основная для миграционного дискурса оппозиция «своё» – «чужое» проанализирована на языковом и сюжетном уровнях, выявлены её характеристики. «Своё» воспринимается как «правильное», «достойное внимания», «рациональное», «хорошее» и пр., в то время как «чужое» принимает негативную коннотацию и рассматривается как «неправильное», «ошибочное», «неумелое», «лишённое ценности» и пр.

Теоретическая и/или практическая значимость проведённого исследования миграционного дискурса на страницах русскоязычной версии романа Ф. Бакмана «Вторая жизнь Уве» заключается в выявлении основных категорий миграционного дискурса в речи персонажей произведения, представляющих собой оппозицию «своё» – «чужое», а также в сюжете.

Ключевые слова: «Вторая жизнь Уве», миграционный дискурс, современная литература, социально ориентированная художественная литература, социология литературы, Ф. Бакман

MIGRATION DISCOURSE IN THE RUSSIAN-LANGUAGE VERSION OF F. BACKMAN'S NOVEL "THE SECOND LIFE OF UWE"

M. Rarenko

*Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences
prosp. Nakhimovskiy 51/21, Moscow 117997, Russian Federation*

Abstract

Aim. We describe the migration discourse in fiction on the example of the Russian-language version of F. Backman's novel "The Second Life of Uwe".

Methodology. Use is made of a textual analysis of the Russian-language version of the novel "The Second Life of Uwe" by the modern Swedish writer F. Backman.

Results. The opposition "one's own" / "someone else's", which is the main one for the migration discourse, is analyzed at language and plot levels; its characteristics are revealed. "One's own" is perceived as "right", "worthy of attention", "rational", "good", etc., while "someone else's" takes a negative connotation and is considered as "wrong", "erroneous", "inept", "devoid of value", etc.

Research implications. The practical significance of the study of migration discourse on the pages of the Russian-language version of F. Backman's novel "The Second Life of Uwe" lies in the fact that we have identified the main categories of migration discourse that represent the opposition of "one's own" / "someone else's", and have analyzed the text of the novel for the presence of this opposition in the speech of the characters of the work and the plot.

Keywords: "The Second Life of Uwe", migration discourse, modern literature, socially oriented fiction, sociology of literature, F. Backman

*Да, бывает трудно признать, что ошибался.
Особенно когда ошибался так долго.
Ф. Бакман «Вторая жизнь Уве»¹*

Введение

Активные миграционные процессы, наблюдаемые в последнюю пару десятилетий в связи с драматичными изменениями геополитической ситуации во всём мире, достигают такого уровня, что правительства разных стран вынуждены создавать особые комитеты по решению проблем беженцев. Специалисты разных отраслей знания признают миграционный процесс непреодолимым явлением, выделяя его в особую проблему современности, требующую всестороннего внимания [1; 3; 4; 5; 6; 7].

Показательно, что миграционные процессы, жизнь мигрантов, взаимодействие их и коренных жителей стран, сталкивающихся с потоками мигрантов, не только оказываются в центре изучения политологов, экономистов, антропологов, социологов, лингвистов и пр., но становятся предметом описания на страницах художественных произведений. Отметим, что социальный институт художественной литературы, являясь исключительно динамическим по своей сути, традиционно выполняет важную общественную функцию, являясь инструментом социальной оценки и социального воздействия [9]. Несмотря на то, что в последние несколько десятилетий в силу разных причин наблюдается снижение интереса к произведениям художественной литературы, социальная роль художественной литературы в мире по-прежнему высока, о чём свидетельствуют регулярно обновляемые шорт-листы и присуждаемые престижные литературные премии в разных номинациях [8].

Миграционный дискурс в русскоязычной версии романа Ф. Бакмана «Вторая жизнь Уве»

Социальные процессы, в частности миграция, происходящие сегодня в мире, становятся предметом беспокойства и постоянной научной рефлексии представителей самых различных гуманитарных направлений, что позволило говорить о появлении особого вида дискурса – миграционного дискурса. Как вариант в современной научной литературе некоторыми исследователями также используется термин «мигрантский дискурс», который следует считать полным аналогом термина «миграционный дискурс». Предметом исследований, таким образом, становятся языковые процессы, вызванные к жизни миграцией, т. е. речевая и коммуникативная деятельность. Необходимость и важность изучения миграционного дискурса подтверждается возникновением и активным развитием отдельной области языкознания – «миграционной лингвистики» [3; 4; 5; 6].

Роман «Вторая жизнь Уве» (En Man Som Heter Ove), вышедший в 2012 г., стал дебютным романом шведского писателя Фредрика Бакмана (род. 1981 г.), поставив имя автора в один ряд с такими писателями современности, как Дж. Роулинг, А. Перс-Реверте и др. На русский язык роман был переведён Русланом Косынкиным, выпускником переводческого факультета МГЛУ (1996) в 2016 г.

В центре внимания Ф. Бакмана – повседневная, ничем не примечательная жизнь 59-летнего шведского рабочего по имени Уве, человека в целом довольно заурядного, отличительной характеристикой которого стоит, вероятно, назвать его непреодолимую любовь (страсть?) к порядку и всему шведскому: «Он любил по-

¹ Бакман Ф. Вторая жизнь Уве / пер. Р. Косынкина. М.: Синдбад, 2018. С. 348.

рядок. Так лучше – когда знаешь, что будет дальше»¹.

Роман представляет собой причудливое переплетение плавно переходящих друг в друга текста повествователя, диалогов персонажей, в том числе главного, и внутренней речи Уве.

Уве, в неоднозначном, во многом выпященном иронично образе которого причудливым образом объединились положительные и отрицательные черты современного представителя шведского общества (некоторые положительные черты героя в то же самое время могут восприниматься и как отрицательные, например, его приверженность к порядку оборачивается неприязнью и даже нетерпимостью к людям, этот порядок нарушающим), служит в романе отправной точкой для создания образа миграционного дискурса, поскольку именно Уве становится той призмой, в которой преломляются описываемые в романе события.

Характеризуя Уве, повествователь использует следующие обороты: «как обычно», «нормальный кофе», «а то нынче» (подчёркивая преимущества того, что было раньше), «чашечка доброго кофе», «из расчёта одна ложка на чашку плюс ещё одна на кофейник», «как делал каждое утро», «вышел вовремя», «инспектировал каждое утро», «не пропустил ни одного утреннего обхода», «с блокнотиком проследовал далее», «в ЭТОМ доме столешницу мажут пропиткой каждые полгода». Уже этих нескольких примеров достаточно для того, чтобы понять, насколько важным для Уве была упорядоченная жизнь – на протяжении многих десятилетий она протекала однообразно предсказуемо: работа – дом («Делал всё, о чём просило его общество. Работал, не болел, женился, отдавал кредиты, платил налоги, жил по совести, ездил на правильной машине»²), а единственным стремлением было поддержание порядка, в котором Уве видел смысл жизни, помимо, конечно, горячо любимой жены Сони.

Никто другой: ни коллеги по работе, ни соседи, ни друзья (которых, впрочем, никогда у Уве и не было, может быть, только Руне, но и тот был его другом недолго) – не занимал его мысли. Его нелюдимый характер привёл к тому, что после смерти жены он остался абсолютно один. Более того, «его выпроводили с работы» «на заслуженный отдых»³.

Неожиданные изменения в жизни Уве начинаются с того момента, когда он к своему крайнему неудовольствию замечает поселившуюся в соседнем доме довольно молодую семейную пару с маленькими детьми, нарушившую его устоявшийся образ жизни. Ещё большее неприятие Уве, привыкшему к раз и навсегда заведённому порядку, вызывает внешность хозяйки семейства. Она совсем не похожа на шведку – «коренастенькая чернявая смуглянка лет тридцати явно нешведского розлива»⁴. Уве отмечает, что соседка «либо на большом сроке беременности, либо ... страдает точечным ожирением»⁵. Более того, «пузатая смуглянка»⁶ оказывается маленького роста. Неприятие новой соседки моментально распространяется и на её мужа-шведа. Уве отмечает его «белобрысость», свойственную представителям нации, которой принадлежит и сам Уве. Это качество является безусловным «плюсом». В то же самое время Уве обращает внимание на рост соседа-шведа – «под два метра». Эта характеристика, по мнению Уве, является неоспоримым свидетельством недалёкого ума: «при таком росте кровь просто не добирается до мозга»⁷. Подвергается критике Уве и «вязаная кофта» «белобрысого увальня», и его осанка, «свидетельствующая о застарелом дефиците кальция в организме»⁸.

«Никчёмность» новых соседей подчёркивает и их «миниатюрная японская машинка» – «тесная японская коробочка»⁹,

¹ Бакман Ф. Вторая жизнь Уве / пер. Р. Косынкина. М.: Синдбад, 2018. С. 84–85.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Там же. С. 23.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

при этом сам Уве, конечно, «ездит на родном шведском “саабе”»¹. «Японка» к тому же имеет автоматическую коробку переключения передач, сигнал заднего хода, автопарковщик, видеорегистратор, а если садится аккумулятор, то переходит с электропитания на бензин, потому что гибридная, что в глазах Уве и вовсе «роняет» соседей: «Этим пижонам хоть какую машину, лишь бы самим не водить, сердится Уве, подавая вперёд. Лишь бы сама их катала. Будто робот. Дожили: даже выучиться парковаться не сподобились. Разве можно таким права давать? А Уве не согласен. Категорически. Таким не то что права, таких на выборы пускать не след, которые с собственным прицепом управиться не могут»². Сравнивая отечественный (шведский) автопром и машины иностранного производства, Уве отмечает надёжность «сааба». «Сааб» – не только средство передвижения, но олицетворение «шведкости». Открывая машину ключом, садясь на водительское сиденье, покручивая колесо настройки радиоприёмника, поправляя зеркала заднего вида, Уве подтверждает свою принадлежность «себе».

Отметим, что, описывая соседей, Уве использует слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, подчёркивая, с одной стороны, их, «мигрантское» несоответствие шведскому укладу жизни, с другой – своё снисходительно-покровительственное отношение к «чужакам»: ну, что с них взять?!

«Чужое» отмечает Уве не только во внешности «беременной приезжей» («карие глазница – огромные, Уве прежде таких и не видал»³), но в её поведении (она открыто выражает свои эмоции: яростно наскაკивает на мужа, пытаясь шлёпнуть по его руке обеими ладонями, ругается, «используя подборку изощренных арабских ругательств, которыми столько богат этот язык»⁴ и пр.). Заметив соседку на стоянке вместе с семейством, приветливо

махавшим ему, Уве едва удержался от того, чтобы вразумить «неразумную бабу»⁵, что здесь «не дело разгуливать с детьми»⁶. Но более всего поражают Уве её непонятный оптимизм, привычка улыбаться и задорный смех: «Она вдруг хохочет, совершенно огоротив его.... Никак не вписывается этот хохот ни в серый бетон, ни в прямоугольную геометрию каменной плитки. Шумный, хулиганский, против всех предписаний и правил»⁷.

Вызывает сначала недоверие у Уве и еда «чужаков», принесённая соседями: рис с шафраном и цыплёнком, печенье. Впрочем, «иноземный курчонок» был съеден подзрительным шведом в тот же вечер и не без удовольствия (хотя сам Уве убеждает себя в том, что «просто в доме Уве еду не выкидывают. Принципиально»⁸). И если у шведа Уве еду принято не выбрасывать, то у «мигрантки» Парване свои традиции: «Она из Ирана. У них там без еды шагу из дома не ступят»⁹.

И хотя Уве время от времени ворчит: «натушила бы мяса с подливой да с картошечкой»¹⁰, он «готов признать (с натяжкой) – рис с шафраном Парване не так уж несъедобен. Вполне себе. Худо-бедно, Уве съел пару порций. Кошак и тот умял полторы»¹¹.

Речевое поведение Парване также озадачивает Уве. Стремясь подчеркнуть своё превосходство над «приезжей», он, обращаясь к ней, бросает: «По-шведски читать не умеете?»¹² – в то самое время он интуитивно чувствует, что её знание шведского языка довольно хорошее: «Она смотрит на неё с таким видом, словно заметила, что он сказал “хочете” вместо “хотите”»¹³. Знание шведского языка позволяет Парване шутить: «– А вы всегда такой колючий?

¹ Бакман Ф. Вторая жизнь Уве / пер. Р. Косынкина. М.: Синдбад, 2018. С. 7.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 71.

⁸ Там же. С. 31.

⁹ Там же. С. 69.

¹⁰ Там же. С. 345.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 23.

¹³ Там же. С. 29.

Уве обиженно бурчит:

– Ничего я не колючий.

– Ну, немножко-то колючий.

– Ничего не колючий!

– Конечно, конечно. Ваши слова просто ласкают слух! – отвечает она. Что-то в её тоне подсказывает Уве, что думает она совсем по-другому¹.

На сюжетном уровне первый шаг в сторону приятия Уве Парване происходит у него дома, когда Парване с мужем Патриком приходит попросить у него лестницу и «шестилапик», как, по мнению Патрика, следует называть шестигранник.

В языковом плане изменения в готовности признать Парване происходят в то же самое время. Из речи Уве постепенно исчезают уничижительные эпитеты, которыми он постоянно раньше «награждал» соседку-персиянку. Во внутренней речи по отношению к Парване появляются обозначения: «беременная персиянка»², «соседка»³, «эта несносная баба»⁴, «полоумная баба с кошаком»⁵, «брюхагая склочница»⁶ (последние три произносимые с явным снисхождением и даже каким-то уважением и почти любовью); «Тойоту» он снисходительно называет «японской швейной машинкой»⁷.

Замечая теперь неправильности в речи Парване, Уве не высмеивает их, а снисходительно исправляет: «– Батареею не продать, а продуду-у-уть надо... ос-споди»⁸. На приветствия из соседнего дома Уве отвечает более благосклонно: «– Удачного дня! – бодро кричит увалень вдогонку Уве. – Ладно, ладно, – бормочет Уве, не оглядываясь»⁹.

Однако оппозиция *своё – чужое* сохраняется и проявляется в оценке бытоустройства. Так, с удовлетворением Уве узнает, что у тридцатилетней (!) мигрантки

Парване нет прав на вождение автомобилем (швед Уве их получил в восемнадцатилетнем (!) возрасте): «– Так, нету прав, и всё, а что такого?

– А лет-то тебе сколько? – почти с любопытством интересуется Уве.

– Тридцать, – выпаливает она.

– ТРИДЦАТЬ! И нету прав? А что, с тобой что-то не так?»¹⁰

Нежелание Парване «связываться» с охранниками на парковке, выписавшими штраф, Уве воспринимает как отсутствие жизненных принципов («Как будто речь шла о ДЕНЬГАХ»¹¹); стремление заплатить за парковку вперёд, а не по факту – как расточительность; бесцеремонно скинутая в машине «газетка», предусмотрительно подосланная Уве, чтобы «не изгваздали ему сиденье»¹² – как неумение вести хозяйство и пр.

Несколько позже, признав Парване «своей», Уве раздражается тирадой, когда она, отчаявшись научиться управлять автомобилем, разрыдалась у него на глазах: «Ты ведь родила двоих, а скоро родишь и третьего. Приехала из другой страны, наверняка сбежала от войны, преследований и прочих ужасов. Выучила чужой язык, получила образование, нашла работу, содержишь целую семью, в которой кроме тебя, похоже, никто ни на что не пригоден»¹³. А самым высоким комплиментом Парване со стороны Уве стал «Ты же ведь не круглая дура!»¹⁴

Проживая с Уве и его соседями непростой период жизни (смерть жены Уве Сони, его уход на заслуженный отдых, борьбу соседей за возможность страдающему ментальным заболеванием Руне провести отведённые ему судьбой дни дома под присмотром жены Аниты и пр.), читатель становится свидетелем того, как отношение Уве к мигрантке Парване меняется: настороженность и неприятие уступают место любопытству, покровительству, за-

¹ Бакман Ф. Вторая жизнь Уве / пер. Р. Косынкина. М.: Синдбад, 2018. С. 71.

² Там же. С. 118.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 122.

⁵ Там же. С. 176.

⁶ Там же. С. 192.

⁷ Там же. С. 120.

⁸ Там же. С. 77.

⁹ Там же. С. 115.

¹⁰ Там же. С. 120.

¹¹ Там же. С. 133.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 265.

¹⁴ Там же.

щите, стремлению научить «как правильно» и «как надо», а потом и безусловному приятию, благодарности и даже, насколько это возможно для Уве, любви. Не последнюю роль на этом сложном пути сыграли малышки Парване и Патрика, проявившие свои искренние чувства к «любимому дедушке», что Уве оценил, став девочкам понастоящему родным.

Заключение

В настоящее время образ мигранта становится объектом исследования современных литературоведов [8]. Нельзя не согласиться с М. А. Кривенькой в том, что воспроизводимые на страницах современных художественных произведений диалогические реплики героев (от себя добавим, внутренняя речь персонажей, может быть, даже в большей степени) «ярко высвечивают проблемное поле явления миграции и отражают позицию общества по отношению к миграционному процессу и его проявлениям» [2, с. 76].

Как можно увидеть, успех интеграции в новом для мигранта обществе связан не столько с материальной стороной жизни (хотя отрицать её было бы неверно), сколько с необходимостью преодолеть стереотипы, существующие в принимающем мигранта обществе. Статья «своей» Парване помогает не только и даже не столько её правовой статус (она образованная женщина, мать, беременная уже третьим ребёнком, хозяйка семейства и пр.), сколько её желание и стремление стать частью сообщества. Её дружелюбие, готовность прийти на помощь, необидчивый характер смогли помочь ей (а также её мужу и де-

вочкам) преодолеть изначальное отторжение со стороны принимающего общества в лице Уве на правах «долгожителя» посёлка.

Подводя итоги, следует отметить, что в работе рассматриваются особенности и характеристики миграционного дискурса, воспроизводимого на страницах художественного произведения, анализируется оппозиция *своё – чужое*, которая выступает одной из ключевых оппозиций миграционного дискурса и реализуется в романе как на уровне сюжета, так и на уровне языка. Оппозиция *своё – чужое* мыслится следующим образом: *своё* привычно, правильно (часто единственно правильно), нормально, естественно, рационально, (единственно) допустимо, морально, обычно, своевременно, грамотно, понятно, типично, хорошо, цивилизованно, вкусно (если речь о еде) и пр., в то время как *чужое* оказывается окрашенным негативной коннотацией: непривычно, неправильно, странно, неверно, ошибочно, ненормально, неестественно, нерационально, недопустимо, аморально, необычно, несвоевременно, неграмотно, непонятно, нетипично, нехорошо, плохо, нецивилизованно, невкусно и пр.

Роман Ф. Бакмана – наглядный пример того, что в современном обществе мирное, гармоничное сосуществование людей, принадлежащих к разным национальным сообществам, возрастным группам, исповедующих разные религии, имеющих разный уклад жизни, возможно при условии уважительного отношения друг к другу, проявления доброты и желания принять другого, отличного от самого себя.

Статья поступила в редакцию 19.01.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коломиец Е. А. Миграция как фактор, ведущий к трансформации языка // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: материалы XXI национальной научной конференции (с международным участием), г. Таганрог, 16–18 апреля 2020 г. Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2020. С. 661–663.
2. Кривенькая М. А. Миграционный дискурс в современной художественной литературе (лингвокогнитивный анализ диалогов) // Учёные записки национального общества прикладной лингвистики. 2021. № 4 (36). С. 76–98.

3. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика [Электронный ресурс]: монография / С. В. Шустова, Е. О. Зубарева, Н. В. Хорошева, В. М. Костева, Е. Ю. Мощанская, А. С. Киндеркнехт, Дж. Коек; науч. ред. О. А. Радченко. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. 1 эл. оптич. диск (CD-ROM).
4. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики и литература мультикультурализма / С. В. Шустова, М. Б. Раренко, М. В. Попова, Т. П. Зорина, В. М. Костева, Е. И. Боровицкая, Н. Н. Меньшакова, М. Ю. Ален, А. А. Лапаева, А. Ю. Новиков. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. 188 с.
5. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография / С. В. Шустова, М. П. Желтухина, М. В. Дружинина, Е. О. Зубарева, Е. В. Исаева, В. М. Костева, А. С. Черноусова; науч. ред. А. М. Амагов. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. 180 с.
6. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: монография / Е. О. Зубарева, Е. В. Исаева, А. В. Иценко, В. М. Костева, Е. Ю. Мощанская, С. В. Шустова; науч. ред. Т. И. Ерофеева. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. 163 с.
7. Минаев В. В., Жиромская В. Б. Миграция – глобальная проблема современности // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2012. № 19. С. 11–22.
8. Пранцова Г. В. К вопросу об образе мигранта в российской литературе // Буслаевские чтения: сборник научных статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Пенза, 17 апреля 2019 г. / под общ. ред. Л. П. Перепелкиной. Пенза: Пензенский государственный университет, 2019. С. 83–88.
9. Раренко М. Б. Литература как социальный инструмент // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 9 (851). С. 228–237.

REFERENCES

1. Kolomiets E. A. [Migration as a Factor Leading to the Transformation of the Language]. In: *Modernizatsiya rossiiskogo obshchestva i obrazovaniya: novye ekonomicheskie orientiry, strategii upravleniya, voprosy pravoprimeneniya i podgotovki kadrov: materialy XXII natsional'noi nauchnoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem)*, g. Taganrog, 16–18 aprelya 2020 g. [Modernization of Russian Society and Education: New Economic Guidelines, Management Strategies, Law Enforcement and Personnel Training: Materials of the XXII national Scientific Conference (With International Participation), Taganrog, April 16–18, 2020]. Taganrog, Taganrog Institute of Management and Economics Publ., 2020, pp. 661–663.
2. Kriven'kaya M. A. [Migration Discourse in Modern Fiction (Linguo-Cognitive Analysis of Dialogues)]. In: *Uchenye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoi lingvistiki* [Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics], 2021, no. 4 (36), pp. 76–98.
3. Radchenko O. A., ed. *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme: diskursivnye praktiki, perevod, didaktika* [Migration Linguistics in the Modern Scientific Paradigm: Discursive Practices, Translation, Didactics]. Perm, Perm State National Research University Publ., 2020. 1 CD-ROM.
4. Shustova S. V., Rarenko M. B., Popova M. V., Zorina T. P., Kosteva V. M., Borovickaya E. I., Men'shakova N. N., Alen M. Yu., Lapaeva A. A., Novikov A. Yu. *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme: diskursivnye praktiki i literatura mul'tikul'turalizma* [Migration Linguistics in the Modern Scientific Paradigm: Discursive Practices and Literature of Multiculturalism]. Perm, Perm State National Research University Publ., 2021. 188 p.
5. Amatov A. M., ed. *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme: mediatsionnye praktiki* [Migration Linguistics in the Modern Scientific Paradigm: Mediation Practices]. Perm, Perm State National Research University Publ., 2019. 180 p.
6. Erofeeva T. I., ed. *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme* [Migration Linguistics in the Modern Scientific Paradigm]. Perm, Perm State National Research University Publ., 2019. 163 p.
7. Minaev V. V., Zhiromskaya V. B. [Migration as a Global Problem of Our Time]. In: *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political science. History. International relationships], 2012, no. 19, pp. 11–22.

8. Prantsova G. V. [On the Issue of the Image of a Migrant in Russian Literature]. In: Perepelkina L. P., ed. *Buslaevskie chteniya: sbornik nauchnykh statei po materialam VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, g. Penza, 17 aprelya 2019 g.* [Buslaev Readings: A Collection of Scientific Papers based on the Materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Penza, April 17, 2019]. Penza, Penza State University Publ., 2019, pp. 83–88.
9. Rarenko M. B. [Literature as a Social Tool]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences], 2021, no. 9 (851), pp. 228–237.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Раренко Мария Борисовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук; e-mail: rarenco@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria B. Rarenko – Cand. Sci. (Philological Sciences), Leading Researcher, Department for Linguistics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences; e-mail: rarenco@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Раренко М. Б. Миграционный дискурс в русскоязычной версии романа Ф. Бакмана «Вторая жизнь Уве» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 118–125.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-118-125

FOR CITATION

Rarenko M. B. Migration Discourse in the Russian-Language Version of F. Backman's Novel "The Second Life of Uwe". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2023, no. 3, pp. 118–125.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-118-125